

К ПРОБЛЕМЕ РЕГИСТРОВОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ

Место эпистолярных текстов в жанрово-стилистической системе древнерусского языка до настоящего времени остается неопределенным. В известных моделях книжных и некнижных жанров – С.И. Коткова [Котков 1970, 44], Н.И. Толстого [Толстой 1988, 69] и др. – упоминаются отдельные виды посланий, однако без учета их тематического и лингвостилистического разнообразия. Необходимость установить языковые особенности произведений эпистолярного жанра и обозначить место последних в системе средневековой письменности определили актуальность исследования.

В современной исторической стилистике общепризнанной является разработанная в исследованиях М.Л. Ремневой, В.М. Живова, Б.А. Успенского концепция регистровой стратификации русского языка донационального периода [Ремнева 1982; Живов 1988; Успенский 1995], согласно которой функциональное соотношение в тексте книжных и некнижных – генетически церковно- и восточнославянских – разноуровневых языковых единиц конституирует один из стандартов языкового употребления, или регистр, отражающий речевые навыки автора. Данный подход антропоцентричен; по словам Б.А. Успенского, «книжный и некнижный языки объединялись в языковом сознании, выступая как взаимодополняющие регистры единой коммуникативной системы» [Успенский 1995, с. 89]. Наличие у текста ряда формальных морфолого-синтаксических признаков позволяет рассматривать его как представляющий один из четырех регистров: стандартный церковнославянский (1); гибридный церковнославянский (2); деловой (3) и бытовой (4).

Различение регистров во многом поддерживается жанровой дифференциацией памятников. Политематичность писем обусловила широкое стилистическое варьирование используемых в них языковых средств, поэтому образцы эпистолярного жанра представлены среди текстов всех регистров письменности, например: (1) – официальные духовные послания, (2) – частные духовные и официальные служебные (агитационные) послания, (3) – официальные служебные (распорядительные), (4) – частные бытовые, деловые, фатические письма. Список не исчерпывает разнообразия видов посланий [Зуева 2008].

Возможность использования в письмах любых лингвостилистических ресурсов есть основное панхроничное свойство эпистолярного типа текста, предопределившее отсутствие эпистолярного стиля в системе функциональных стилей современного русского языка. Памятники, характеризующиеся единством жанровой формы, отражают различные способы ее языкового наполнения.

Наблюдения над функционированием языковых грамматических средств в письмах XI–XIV вв. показывают, что язык даже одного вида тек-

стов (например, частных бытовых, официальных служебных посланий) стилистически дифференцирован. Выбирая фрагменты, содержательно тождественные или однотипные (т.е. исключая обусловленность использования языковых средств предметом речи), обнаруживаем, что главным фактором дифференциации является социокультурный статус адресанта. К примеру, частные бытовые письма традиционно создаются на некнижной разновидности языка, к грамматическим признакам которой относятся (текстовые фрагменты извлечены из берестяных грамот [Зализняк 2004], приводятся в упрощенной орфографии): 1. уровень языковых ресурсов: форма *л*-причастия в значении претерита (*я дала тебе а нежате не дала*, № 644, 1110-1120 гг.; *я заплатилъ 20 грвнъ*, № 421, 1120-1130 гг.), причастия на *-учи/-ачи* (*хотяци ся не цѣтися* – ‘хотя бы не считайся’, *пеюци едоуц(и)* ‘получая прокорм’, № 227, 1160-90 гг. – здесь и далее перевод А.А. Зализняка), некнижные средства связи (*[а]же то [н]амъ възале еси навѣловъ (а) [н]а прокопѣе възяти а възале ли еси а в[ъзъ]ми*, ‘Если ты взял Павловы проценты, то [нужно] взять у Прокопьи. Если же ты [уже] взял, то возьми ...’, № 736, 1110-1130 гг.) и др.; 2. уровень организации текста – явления разговорной и деловой речи: инверсия – вынесение темы в начало сообщения (*а цто рубль дати игнату и ты даи*, к. XIV в.), эллипсис (*и ты до углеца и ту пакъ дружина*, ‘Так что ты [посылай] до Углича, и как раз туда [едет] дружина’, к. XIII в.), бессоюзные высказывания с подчинительными смысловыми отношениями между частями (*емли за свои отрокъ колико ти годѣно правъ ти есть*, ‘доверяй своему отроку собирать сколько угодно [денег]: он прав’, № 819, 1170-80 гг.), повтор присоединительных союзов и предлогов (*а ныне мя въ томъ яла кѣнягыни а ныне ся дружина по мя поруцила а ныне ка посъли...*, № 109, к. XI – нач. XII вв.; *оу максима оу ключника*, № 354, 1340-70 гг.) и др.

Бытовые письма лиц духовного сана наряду с разговорными элементами содержат варьируемые количественно книжные языковые средства. Например, текст послания монаха Ефрема духовному брату Исухии, в котором абсолютно преобладают некнижные черты, содержит слова с церковнославянским и древнерусским префиксами *рас-* и *роз-*, формы аориста и имперфекта наряду с *л*-причастиями: *не распрашавъ розгневался мене игоумене не поустиле а я прашалъся <...> а соромъ ми оже ми лихо мѣвляше*, № 605, до 1120-х гг.). Язык частных писем митр. Киприана, поздний древнерусский период, 1378 г. [Прохоров 1978, с. 195-202], относится к книжному регистру сниженной нормы. В нем представлены сложная система времен (*приехал есмь в Любутеск, господь... учаше их, писася си грамота*), книжные формы прилагательных и причастий (*лживаго, святыа Богородица; [слово господне] глаголющее, ходяй в заповедех господних* – отметим влияние контекста на стиль речи), книжные средства синтаксической связи (*Аще ли кто не послушаетъ...; Иду же, якоже...; Веси бо...*) и др. К народно-разговорным разноразноуровневым языковым явлениям относятся употребление *л*-причастия (*мне не хотелось...*), местоимения *яз*, целевого союза *дати* в этикетной формуле

призыва писать; в тексте присутствуют фрагменты с повтором предлогов и начинательным союзом *а*.

Аналогичная обусловленность выбора языковых средств не типом письма, а «фактором адресанта» отражена в официальных служебных посланиях. Деловое содержание предопределяет использование пишущими средств делового языка, и примеры таких текстов представлены среди эпистолярных памятников XV-XVII вв. От посланий древнерусского периода сохранились только тексты, написанные от имен церковных лиц на книжном языке (регистр – церковнославянский строгой и сниженной нормы). Например, язык переводного информирующего послания патриарха Константинополя Луки князю Андрею Боголюбскому, посвященного поставлению епископа, 1160 г., представляет книжный регистр строгой нормы. В тексте последовательно используются славянские формы на всех уровнях языка вне зависимости от контекста: и в устойчивых эпистолярных формулах, отражающих духовный сан адресанта, и в рекомендательных высказываниях, регулирующих сферу христианского быта, например: *Благодать Господа нашего... да будетъ съ благородіемъ твоимъ, аминь; ...но аще и снѣдь сыра, и масла кравіаго и мяса отметаема, стыденіемъ апостольскаго правила, но масло древяное и другая, къ симъ и рыбы приедемъ* [РИБ 1908, стб. 74]. Единственная не книжная языковая единица – союз *ожели* (при 21 употреблении союза *аще* (*ли*)), возможно, отсутствовавший в протографе: *...да не забываетъ, ожели то твое благородіе будетъ въ томъ грѣсъ*. Данное послание характеризуется стилистическим единством с памятниками церковного права (ср., например, Вопросание Кириково, 1130-56 гг.), в то время как тематически принадлежит к служебной деловой переписке.

Таким образом, в эпистолярном тексте XI-XIV вв. отражается частая (и прозрачная для исследователя) интерференция авторских «речевых навыков» – естественного и книжного [Живов 1996, с. 30]. Этот признак характеризует только переписку образованных людей, так как лишь их коммуникативные навыки дифференцированы. Данное явление также представлено в старорусских посланиях. Вместе с тем зависимость стилистики письма от социокультурного статуса адресанта или адресата не является регулярной (см. служебные послания Иосифа Волоцкого, арх. Геннадия, патр. Филарета), и поэтому рассматривать параметр языковой личности как системообразующий при классификации типов эпистолярных памятников и их регистровом распределении нельзя. Влияние данного параметра, напротив, нарушает системность в жанрово-стилистической типологии писем и обуславливает отсутствие абсолютной корреляции между ней и распределением писем по языковым регистрам.